

22 декабря
Рассветное утро

„ЖЕЛТАЯ КОФТА“

У Джека Лондона есть один фантастический рассказ. В нем выведен один бывший профессор калифорнского университета. Старик, который случайно уцелел послѣ поразившей всю страну «пурпурной смерти».

Всѣ вымерли. Случайно остались въ живыхъ только нѣсколько человѣкъ. Города превратились въ непроходимые лѣса... Невѣроятная работа человѣческихъ мышцъ и мозга сметена съ земли, словно порывомъ вѣтра. Нѣкогда человѣкъ побѣдилъ уже все. Но пришла и его очередь.

Онъ погибъ, и водворилась та же доисторическая и примитивная жизнь, которая дикими травами и непроходимыми лѣсами покрываетъ всѣ измысленія и изобрѣтенія человеческой энергіи. Тамъ, гдѣ недавно жили и дѣйствовали миллионы людей, бродятъ теперь огромные волки, а одичалые потомки людей допотопнымъ оружіемъ защищаютъ свою жизнь отъ хищныхъ звѣрей...

Этотъ рассказъ все время вспоминался мнѣ и вчера, когда я смотрѣлъ въ Свободномъ театрѣ «Желтую кофту»...

Мы на мгновеніе точно оторвались отъ русской жизни, мы отрѣшились отъ

пышныхъ формъ, созданныхъ европейскимъ театромъ, и перенеслись въ лѣса; мы смотрѣли, такъ сказать, прабабушекъ и прадедушекъ нашего сценическаго искусства, развившихся «у стѣнъ недвижнаго Китая»...

И намъ, привыкшимъ къ другимъ образцамъ, многое казалось дѣтскимъ и нивнымъ... Да иначе и быть не могло: насъ заѣли форма и условность.

Задача, взятая на себя Свободнымъ театромъ, была не изъ легкихъ, въ особенноти, если принять во вниманіе, что въ «Желтой кофтѣ», поскольку я понимаю, должно было отразиться творчество цѣлыхъ столѣтій, цѣлыхъ поколѣній художниковъ.

Но этого мало.

Мы, европейцы, привыкли, чтобы театръ показывалъ людей.

Китайскій же театръ показываетъ не человѣка, а его видѣніе.

Это «видѣніе» и далъ намъ Свободный театръ.

Какъ,—это уже вопросъ другого рода, и его мы коснемся ниже.

Пока же нѣсколько словъ о содержаніи «Желтой кофты».

Разумѣется, и оно прежде всего рассчитано на вѣншее впечатлѣніе.

Богдыханъ У-синъ-инъ Великій

(г. Кудрявцевъ). У него двѣ жены: первая—Чи-му (г-жа Морозова) и вторая—Дю-юнь-фа (г-жа Смирнова). Сынъ отъ Чи-му—У-ху-читъ (г. Аслановъ)—центральная фигура пьесы.

Богдыханъ разлюбилъ первую жену и для второй жены хочетъ освободиться отъ Чи-му и отъ малютки У-ху-чита.

Ихъ поручается убить крестьянину Ли-сину, жена котораго является любимой служанкой Чи-му. Но добрый Ли-синъ не рѣшается поднять мечъ надъ головой чтимой богдыханши. По совѣту жены (г-жа Голубева) онъ отсѣкаетъ голову вѣроломной служанки—наперсницы второй жены богдыхана, и выдаетъ ее за голову Чи-му. Но боги все же зовутъ Чи-му въ небеса. Ей жаль расстаться съ любимымъ сыномъ, но боги обѣщаютъ ему свое покровительство, и она повинуется вѣншней свѣще.

Оставленнаго ею ребенка находятъ Ли-синъ (г. Потемкинъ) и его жена Суэ-синъ-фа. У-ху-читъ воспитывается въ ихъ хижинѣ. Сдѣлавшись взрослымъ, онъ чувствуетъ въ своихъ жилахъ царственную кровь и отправляется искать своихъ предковъ. Онъ храбръ, мужествененъ и добродѣтеленъ. Служи о немъ доходить до второго сына У-синъ-ина—У-фа-дина, именуемаго Златоцвѣтомъ (г. Кречетовъ), унаследовавшаго престолъ отца. Онъ насылаетъ на У-ху-чита горбуна, въ рукахъ котораго всѣ соблазны... Но У-ху-читъ благополучно проходитъ черезъ рѣку наслажденій. Тогда Златоцвѣтъ насылаетъ на своего соперника ужасы. Но У-ху-читъ побѣждаетъ и ихъ. У него

вѣрные союзники: духъ матери и молитвы любимой дѣвушки Монъ-фа-лой (г-жа Кооненъ).

Съ ихъ помощью онъ достигаетъ трона и возвращаетъ принадлежащій ему по праву знакъ императорскаго достоинства—желтую кофту...

«Желтая кофта», если хотите, это—та же «Синяя птица», только въ примитивѣ.

Если ихъ поставите рядомъ, то получится яркая параллель, отбѣняющая тѣ пути, по которымъ шло сценическое искусство, и тѣ формы, въ которыя оно вылилось въ европейскомъ театрѣ.

Но—странное явленіе—европейское театральное искусство сильно разнится отъ такого же китайскаго, тѣмъ не менѣе, на серьезнаго зрителя оно не производитъ комическаго впечатлѣнія.

И уже одно это—большой плюсъ, который уже всецѣло надо отнести за счетъ режиссеровъ и исполнителей Свободнаго театра.

Немного ранѣе я отмѣтилъ, что «Желтая кофта» какъ бы перенесла насъ на мгновеніе въ другой, невѣдомый намъ міръ.

И, воплѣвъ естественно, рождается вопросъ:

— Охваченъ ли этотъ міръ во всей его полнотѣ или передъ нами были только его отдѣльные контуры?..

Здѣсь о многомъ можно спорить.

Начать съ того, что первыми актерами китайскаго театра были... маріонетки.

И только потомъ уже имъ подражали живые люди. Отсюда у нихъ маріоне-

точные механическія движенія и изломанные позы, перешедшія и въ современнѣйшій китайскій театръ.

Подходя къ исполнителямъ съ этой точки зрѣнія, необходимо отмѣтить, что очень хорошаго исполнителя нашла бы себѣ «Желтая кофта» въ лицѣ г. Кречетова, если бы онъ не злоупотреблялъ лубкомъ. Это нужно, но не въ такой мѣрѣ.

Затѣмъ дальше.

Требованія, которыя предъявляетъ къ актеру театръ китайскій и театръ европейскій, различны.

Мимикой и декламаціей китайскій актеръ пользуется лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Часто онъ только статистъ. И, кромѣ того, китайскій актеръ экономитъ свои средства. Онъ не подготавливаетъ зрителя постепенными переживаниями, но сразу, въ одно мгновеніе, эта живая и безучастная съ виду кукла превращается въ демона, который однимъ сильнымъ и неожиданнымъ жестомъ, однимъ сверканіемъ глазъ потрясаетъ и зажигаетъ зрительный вальс...

Въ китайскомъ театрѣ аффектъ—это все.

И лучшіе китайскіе актеры—это актеры аффекта.

Они не пытаются вовсе дать психическія переживанія своего героя, но они изображаютъ этого героя въ сверхестественную величину.

Безуміе, такъ безуміе. Ужасъ, такъ ужасъ... А ненависть—такъ великая ненависть, которая блеснетъ такой яркой, такой жуткой искрой и сейчасъ

же погаснетъ...

Проявленъ ужасъ, проявлено безуміе, и исполнитель вновь превратился уже въ изваяніе...

Вотъ этой-то особенноти китайскаго театра, по-моему, совсѣмъ не подчеркнулъ Свободный театръ.

Этого не было.

Онъ далъ ужасы, такъ сказать, слишкомъ уже упрощенные.

Далъ набросокъ. Но рисунка этого до конца не довѣлъ. Не было силы...

Она наплась только у одной исполнительницы, у г-жи Морозовой, исполнившей роль Чи-му.

Чи-му призывали боги. Она оставляла своего горячо любимаго ребенка и переходила въ небеса... по лѣстницѣ.

Просто и наивно.

Но никто не улыбнулся. Публика зашла условности. Ее захватилъ трагизмъ Чи-му.

Это было самое сильное мѣсто въ пьесѣ. И самое лучшее.

Наглядное доказательство того, какъ можетъ захватить зрителя артистъ, которому даны для выявленія себя ограниченные средства.

Китайское театральное искусство—это искусство живописное.

Очень видная роль отведена въ немъ вѣншнимъ впечатлѣніямъ, костюмамъ и маскѣ.

Этой стороной постановки Свободный театръ можетъ прямо похвастаться. Великолѣпныя декораціи. Красочные костюмы...

Единственный минусъ—длинные, которыя, въ концѣ-концовъ, утомляютъ

зрителя и распыляютъ впечатлѣнія.

Безъ ущерба въ пьесѣ многія мѣста можно выбросить, и она отъ этого не только не потеряетъ ничего, но, наоборотъ, выиграетъ.

Мнѣ кажется, что тонъ пьесы взятъ все же невѣрно: тонъ долженъ быть значительно быстрѣе.

Духу китайскаго театра соответствовать пантомима.

Въ «Желтой кофтѣ» она тоже чувствуется. Цѣлый рядъ сценъ—это пантомимы, сопровождаемыя хоромъ и бряпаніемъ китайскаго музыкальнаго инструмента... И эти мѣста были прямо-таки хороши...

Очень понравился намъ и г. Монаховъ. Въ «Желтой кофтѣ» онъ изображалъ автора, ставящаго эту пьесу и режиссирующаго ею. Особенно подкупала его искренность и естественность.

Слабѣ другихъ былъ, по-моему, г. Аслановъ въ заглавной роли У-ху-чита. Онъ былъ слишкомъ русскимъ актеромъ.

Общее впечатлѣніе «Желтая кофта» оставила хорошее. Странно, но это такъ: смотря «Желтую кофту», глядя примитивы китайскаго театра, я отдыхалъ душой отъ современнаго нашего репертуара, отдыхалъ отъ европейскіхъ театралныхъ мудрствованій и кривляній.

Въ примитивахъ мнѣ чудилось подлинное лицо жизни, цѣльное, простое и не изуродованное изощряющей техникой.

ЭР. ПЕЧЕРСКІЙ.